

ПРАВДА СПРЯТАНА В ТЕНИ.
НО ТЕНЬ ПОМНИТ ВСЁ.

ТЕ КТО
В ТЕНИ

*Они лгали
Тебе всю жизнь.
Узнай правду.*

ЕЁ ПРОШЛОЕ – КЛЮЧ.
ЕЁ ВЫБОР – СПАСЕНИЕ.

Артем Герасимов

Те кто в тени

<https://litres.ru/73976359>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стейси находит письмо: «Они лгали тебе всю жизнь». В ту же ночь в её городке исчезает девушка. В лесу таинственный Джон раскрывает правду: дед Стейси хранил древний артефакт — Сердце Гипериона, способное разрывать реальность. Теперь «Пробудители» охотятся за ней как за живым ключом к этой силе. Вместе с раненым Джоном она проникает в секретные лаборатории, расшифровывает дневники предков и узнаёт: их сознания могут навсегда заглушить артефакт. Но цена — возможно, их жизни. Стейси предстоит перестать быть жертвой и стать воином. Сможет ли она спасти невинных, не пожертвовав собой и тем, кто стал ей ближе всех? Мистический триллер о семейных тайнах, взрослении и тишине, которую приходится завоёвывать кровью.

Содержание

пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Те кто в тени

пролог

Рассвет в городке Гленвуд приходил не спеша, словно нехотя раздвигая сизые простыни ночного тумана. Первые, робкие лучи солнца цеплялись за остроконечные крыши, за резные фронтоны домов, затягивали золотом маковку старой церкви. Воздух, холодный и влажный, пахнул хвоей, сырой землёй и дымком из печных труб — запах, знакомый Стейси Блейк с самого детства, запах дома и вечного покоя.

Она стояла у окна своей мансарды, прислонившись лбом к холодному стеклу, и наблюдала, как просыпается мир. Её рыжеватые волосы, ещё не заплетённые, спадали на плечи, а в зелёных глазах, обычно таких живых и любопытных, сегодня плавала непривычная усталость. Двадцать три года в Гленвуде. Двадцать три года одинаковых рассветов, одинаковых маршрутов: дом — библиотека — дом. Двадцать три года тишины, которая из утешительной постепенно превратилась в давящую, в звенящую.

Она мечтала о другом. О шуме большого города, о незнакомых лицах, о дорогах, уходящих за горизонт, туда, где горные пики растворяются в синеве. Она выписывала из журналов картинки далёких стран, заводила тетради с планами

побега, которые так никогда и не осуществлялись. Сначала мешала учёба, потом — болезнь матери, потом просто не находилось достаточно смелости разорвать эту невидимую паутину привычной жизни. И вот она здесь. Птица в слишком удобной, слишком прочной клетке.

Но сегодня что-то было не так. Воздух за окном, обычно такой прозрачный и безликий, казался гуще. В нём висело неосязаемое напряжение, будто перед грозой, только небо было ясно. Стейси поёжилась, потянулась за толстым свитером, висевшим на спинке стула. Беспокойство, беспричинное и назойливое, скреблось где-то под сердцем.

Её взгляд, скользя по спящей улице, упал на почтовый ящик у калитки — маленький, покрашенный в синюю краску, который её отец смастерил много лет назад. На его крышке лежала роса, но в прорези для писем что-то темнело. Необычно. Почтальон миссис Гловер всегда приходила ближе к полудню.

Любопытство, сильнее осторожности, заставило её накинуть на плечи шаль и спуститься вниз по скрипучей лестнице. Утренний холод укусил за щёки. Трава была мокрой от росы, оставляя тёмные следы на стоптанных домашних тапочках. Она подошла к ящику, замерла на мгновение, слушая пение первых птиц, такое громкое в утренней тишине.

В ящике, поверх кучи рекламных листовок и счёта за электричество, лежал один-единственный конверт. Белый, немаркированный, без марок. Имя «Стейси» на нём было

выведено чернилами, но почерк... почерк заставил её кровь похолодеть. Буквы плясали, налезали друг на друга, некоторые были выведены с такой силой, что бумага протерлась. Рука писавшего дрожала от страха. Или от ярости.

Она оглянулась. Улица была пуста. Шторы в окнах соседних домов плотно задернуты. Только где-то вдалеке лаяла собака. Сердце начало отчаянно биться, предупреждая об опасности. Пальцы сами потянулись к конверту. Бумага была плотной, дорогой, не похожей на ту, что продавалась в местном магазинчике.

Вернувшись в дом, в кухню, залитую теперь уже ярким солнцем, она долго смотрела на него, лежащий на грубоватой деревянной столешнице. Часы тикали, отсчитывая секунды нерешительности. Наконец, она вскрыла его ножом для бумаг.

Внутри лежал один согнутый листок. Тот же неровный, рвущийся почерк, те же чёрные чернила.

«Стейси. Они лгали тебе всю жизнь. Твоё прошлое — это ключ. Ключ к тому, что спрятано в тени. Узнай правду. Ищи ответы там, где начинается забытая тропа. Сегодня. На закате. Не приводи никого. Не опаздывай. Цена — твоя жизнь и жизни тех, кого ты ещё не знаешь, но должна защитить.»**

Подписи не было. Только пятно — то ли от воды, то ли от чего-то другого, тёмно-бурого, в углу листа.

Стейси откинулась на спинку стула, чувствуя, как комната начинает медленно вращаться. «Они лгали...» Кто они? Её

умершие родители? Тётя Марта, что вырастила её? Весь этот уютный, сонный Гленвуд?

«Там, где начинается забытая тропа». Она знала это место. Край леса, за старым дубом, сломанным молнией. Тропинка, когда-то протоптанная детьми для игр, давно заросшая папоротником и ежевикой. Место, которое всегда вызывало у неё смутную тревогу, словно сама земля там хранила недобрую память.

Страх сковал её лёгкие ледяной хваткой. Мысли метались, как пойманные в мышеловку зверьки. Выбросить письмо. Сжечь. Забыть. Пойти к шерифу. Но последняя фраза... «Цена — жизни тех, кого ты ещё не знаешь». В голове всплыло лицо младшей соседки, Элли, которая всегда улыбалась ей, проходя мимо. Или старика Хендерсона, что жил через дорогу и иногда угощал её яблочным пирогом.

Это был не просто зов. Это был крюк, вонзившийся в самое больное — в её чувство ответственности, в ту самую привязанность к этому месту, от которой она так отчаянно хотела избавиться.

Она подошла к окну, сжала в руках шаль. Солнце поднялось выше, разгоняя туман. Городок выглядел идиллически: дымок из труб, женщина с корзинкой на рынок, мальчишки на велосипедах. Всё та же картина спокойствия. Но теперь Стейси видела за ней другую — невидимую, зыбкую, как тот утренний туман. Тень, наброшенную на привычный мир.

Страх боролся с чем-то иным. С тем самым давним, за-

глушённым голодом по переменам, по настоящему делу, по смыслу. Этот конверт, эта угроза, эта тайна — это и был её побег. Не туда, куда она мечтала, а вглубь. Вглубь лжи своего прошлого. Вглубь тьмы, что притаилась у порога.

К вечеру страх не ушёл, но его затмила холодная, стальная решимость. Она не будет жертвой. Не будет той птицей в клетке, над которой сомкнутся чужие пальцы. Она пойдёт. Узнает. Даже если это знание сожжёт её дотла.

Закат в тот день был кроваво-красным, и лес встретил её не шепотом, а гулким, угрожающим молчанием.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ШЁПОТ ЗАРИ И ТИШИНА ЛЕСА

***Глава 1: Зов**

Последний луч солнца, подобный раскалённому лезвию, прочертил по небу и угас за зубчатым гребнем Чёрных гор. Багровая заря медленно истекала в пепельную синеву сумерек. Для Стейси этот переход всегда был магическим моментом, когда знакомый мир на миг стирался, уступая место чему-то древнему и безразличному. Но сегодня магия пахла не сыростью и хвоей, а железом и опавшей листвой — запахом увядания и скрытой угрозы.

Она стояла на опушке, там, где асфальтовая дорожка упи-

ралась в стену из вековых сосен и елей. За её спиной теплелись огни Гленвуда — жёлтые, уютные, обманчивые. Перед ней зияла чёрная пасть леса. «Забывтая тропа» начиналась у старого дуба, когда-то расколотого молнией. Теперь он походил на гигантского, искалеченного стража, простирающего обугленные ветви в предостерегающем жесте.

Стейси поправила рюкзак за плечами — набитый на скорую руку фонарём, складным ножом отца, бутылкой воды и свитером. Её пальцы дрожали, и она судорожно сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала сосредоточиться, отгоняя парализующий ужас. *«Что я делаю?»* — эхом звучало в голове. *«Возвращайся. Запри дверь. Позвони... кому? Шерифу? Скажи, что получила анонимку и пошла ночью в лес одна? Он точно сочтёт тебя сумасшедшей»*.

Но был и другой голос, тихий, настойчивый. Голос того самого внутреннего существа, что годами рвалось на волю. Голос, который шептал: *«Это твой шанс. Шанс разорвать круг. Даже если круг этот окажется петлёй»*.

Она сделала глубокий вдох, вбирая в лёгкие холодный, смолистый воздух, и шагнула вперёд, под сень ветвей.

Звуки города отступили мгновенно, словно кто-то захлопнул тяжёлую дверь. Их сменила иная симфония: далёкий крик совы, шорох чего-то маленького в валежнике, монотонный, убаюкивающий гул ветра в вершинах. И тишина. Не полная, а плотная, живая, словно сам лес затаился и прислу-

шивался к её неуверенным шагам.

Тропа, о которой говорило письмо, почти исчезла. Лишь иногда под слоем хвои и мха прощупывалась твёрдая, утоптанная земля, да сломанные ветки указывали направление. Она шла, освещая путь фонарём, луч которого выхватывал из тьмы причудливые корни, похожие на спинные хребты доисторических чудовищ, блестящие от влаги паутины, глаза какого-то зверька, мелькнувшие и тут же пропавшие в кустах.

Каждые десять шагов она останавливалась, замирая, вслушиваясь. Ей чудилось, что за ней следят. Что из-за каждого дерева за ней наблюдают. Это было не просто нервное напряжение — это было физическое ощущение, тяжёлый, недобрый взгляд, скользящий по её спине.

Внезапно фонарь выхватил из мрака нечто, заставившее её сердце упасть в пятки. На замшелом валуне, прямо посреди тропы, лежала кукла. Старая, тряпичная, с выцветшими нитяными волосами и одной пуговицей вместо глаза. Платье на ней было порвано и забрызгано той же тёмно-бурой субстанцией, что и на письме.

Стейси подошла ближе, не в силах отвести взгляд. Кукла была знаком. Жутким, недвусмысленным. *«Мы тебя ждём. Мы знаем, что ты идёшь»* . Она хотела развернуться и бежать, но ноги словно вросли в землю. И тут её взгляд упал чуть дальше. За валуном, в чаще, слабо мерцал свет. Не жёлтый, как от её фонаря, а зеленоватый, фосфоресцирующий,

будто светящийся мох или... что-то ещё.

Это и был тот самый «призрачный маяк» из её предчувствий. Сердце, только что замершее, забилось с новой силой, но теперь в его стуке было не только отчаяние, но и азарт. *«Вот он. Перекресток. Вернись — и навсегда останешься в неведении, будешь гадать и сходить с ума от страха каждый раз, когда скрипнет половица. Иди вперёд — и узнаешь правду, какой бы чудовищной она ни была»*.

Она обошла валун с куклой, почти почувствовав на себе её единственный стеклянный взгляд. Зелёное свечение стало немного ярче, пульсируя в такт её собственному сердцебиению. Тропинка здесь почти исчезла, приходилось пробираться через заросли папоротника и цепляющиеся ветки. Одежда цеплялась за шипы, волосы путались. Она чувствовала себя не исследователем, а добычей, плывущей в пасть хищника.

И вот, лес расступился.

Перед ней открылась небольшая, почти круглая поляна. В центре её, окружённый кольцом странных, гладких камней, пылал костёр. Но это был не обычный костёр из сучьев и веток. Пламя было того же зеленоватого оттенка, что и свет-маяк, оно горело почти бездымно и не потрескивало, а тихо пело — низкий, вибрирующий гул, от которого закладывало уши. От костра не исходило тепла, только странная, пронизывающая до костей прохлада, словно он высасывал жар из

окружающего пространства.

А у огня, спиной к ней, сидел человек.

Глава 2: Странник у Огня

Он сидел на одном из гладких камней, неподвижный, словно ещё один каменный идол, поставленный здесь неизвестно кем и когда. Силуэт его, вырисовывавшийся на фоне нереального пламени, был высоким и худым. Стейси замерла на краю поляны, её рука сама потянулась к складному ножу в кармане куртки.

Шум её шагов, казалось, достиг его ушей. Он медленно, очень медленно повернул голову.

Свет костра упал на его лицо, и Стейси подавила вскрик. Он был молодым, лет на пять-семь старше её, но на этом молодость заканчивалась. Черты лица — острый подбородок, скулы, тонкий нос — могли бы быть красивыми, но их искажала глубокая усталость, отпечатавшаяся тенями под глазами и складкой у рта. Длинные, тёмные, почти чёрные волосы были собраны в небрежный хвост, несколько прядей выбивались и падали на лоб. А на левой щеке, от скулы почти до самого угла губ, тянулся шрам. Не аккуратный порез, а рваная, старая рана, зажившая неровно и придававшая его

лицу выражение постоянной, затаённой боли.

Но больше всего её поразили глаза. Они отражали зелёное пламя, но сами были цвета тёмного янтаря, почти коричневые, и смотрели не на неё, а *сквозь* неё, будто видели не только девушку, дрожащую на опушке, но и все её прошлые поступки, все тайные страхи, всю невысказанную тоску.

«Стейси Блейк», — произнёс он. Голос был негромким, низким, и в нём не было ни капли удивления. Он звучал так, словно он ждал её здесь целую вечность. В нём не было и дружелюбия — только усталая констатация факта.

Она не смогла вымолвить ни слова, лишь кивнула, сжав челюсти, чтобы они не стучали.

«Подойди», — сказал он, и это прозвучало не как приглашение, а как приказ. Не поворачиваясь к ней полностью, он махнул рукой в сторону камня напротив. «Ты промокла и напугана. Огонь... особенный, но он даёт свет. И защиту. Отчасти».

«От чего защиту?» — наконец выдавила она из себя, не сдвигаясь с места. Её собственный голос показался ей писклявым и чужим.

Странник — Джон, как он позже назовётся — усмехнулся. Улыбка не коснулась его глаз. «От того, что бродит в темноте за пределами этих камней. От взглядов, которые следят за тобой с той минуты, как ты вошла в лес. Ты чувствовала их, да?»

Она снова кивнула, на этот раз более уверенно. Его сло-

ва подтверждали её самые худшие подозрения, и в этом был какой-то извращённый уют.

«Это Камни Молчания, — он провёл рукой по воздуху, очерчивая круг. — Древнее место. Оно скрывает звук, искажает взгляд. Мы можем говорить здесь. Недолго».

Стейси, преодолевая дрожь в коленях, сделала несколько шагов вперёд и опустилась на указанный камень. Поверхность была гладкой и холодной, будто отполированной тысячами прикосновений. Странное пламя действительно не давало тепла, но странное давление, висевшее на поляне снаружи, здесь ослабло. Было тихо. Слишком тихо — даже ветер не доносился сюда.

«Вы... Вы Джон?» — спросила она, вспомнив подпись на одном из документов отца, которые она однажды случайно увидела.

«Для тебя — да», — ответил он. Его взгляд изучал её, оценивающе, как хищник оценивает потенциальную угрозу. «Ты похожа на неё. На Элеонор».

Имя матери Стейси, произнесённое этим незнакомцем в этом жутком месте, ударило её, как пощёчина. «Вы знали мою мать?»

«Я знал твою семью, Стейси. Больше, чем тебе рассказывали. Больше, чем, возможно, хотел бы знать сам». Он наклонился вперёд, и зелёный свет скользнул по его шраму, сделав его ещё более зловещим. «Мир, в котором ты живёшь, — это фасад. Красивая, нарисованная декорация. За ней

есть другой. Со своими правилами, своими войнами, своими монстрами. И твоя семья, Блейки, не были невинными горожанами. Они были хранителями. И палачами».

Он говорил спокойно, почти монотонно, но каждое слово падало в тишину поляны с весом гири. Стейси слушала, онемев. Он рассказывал о древнем артефакте, известном в легендах как «Сердце Гипериона», камне, который, как считалось, мог усиливать человеческие намерения — как добрые, так и злые. О тайном обществе «Серая Лига», которое веками охраняло его, пряча от мира. И о её собственном деду, Альберике Блейке, который не просто был членом Лиги, а возглавлял его радикальное крыло, желавшее не охранять артефакт, а использовать его силу.

«Они потерпели неудачу, — голос Джона стал ещё тише. — Сила вырвалась из-под контроля. Были... жертвы. Невинные. Лига раскололась. Одни, как твои родители, хотели забыть, зарыть прошлое, раствориться среди людей. Другие — те, кто жаждал силы, — продолжили охоту. Они никогда не останавливались».

«Мои родители погибли в автокатастрофе», — автоматически, защищаясь, произнесла Стейси.

Джон посмотрел на неё с бесконечной, леденящей жалостью. «Да. На пустой дороге. Со сломанными тормозами. Очень аккуратно. Очень тихо. Как и всё, что они делают».

Внутри у Стейси что-то оборвалось. Всё, что она знала

о своей жизни, о своей истории, начало рассыпаться, как карточный домик, под напором его спокойных, уверенных слов. Она хотела кричать, что он лжёт, что это бред, но... но слишком многое сходилось. Странные разговоры тёти Марты, оборванные на полуслове. Запертый кабинет отца, куда ей запрещали входить. Её собственные, слишком яркие, слишком тревожные сны, в которых ей мерещились тени у кровати и шёпот на неизвестном языке.

«Почему... почему вы рассказываете это мне? Почему сейчас?» — прошептала она.

Потому что они снова активизировались, Стейси. Потому что цикл повторяется. И потому что у тебя есть то, что им нужно». Он пристально посмотрел на неё. «Ты не просто наследница крови Блейков. Ты — наследница их долга. Их проклятия. И теперь, когда они знают, что ты здесь, что ты взрослая... ты стала мишенью. Как и все, кто рядом с тобой».

Внезапно зелёное пламя костра дрогнуло, потом резко погасло, словно его захлопнули невидимой дверью. Темнота, густая и абсолютная, навалилась на поляну. Стейси вскрикнула.

«Тише!» — резко прошипел Джон. Его рука схватила её за запястье, пальцы были холодными и цепкими. «Они почували нарушение. Камни не выдержали. Нам нужно уходить. Сейчас».

Он потянул её за собой, в полную тьму, за пределы круга. Лес снова обрушился на неё — звуками, запахами, тем давя-

щим чувством слезки, которое теперь усилилось вдесятеро. Она бежала за ним, спотыкаясь, не видя ничего, кроме его тени, мелькающей впереди. Он вёл её уверенно, будто знал каждое дерево, каждый корень.

Они бежали, казалось, вечность. Наконец, он резко остановился, прижав её спиной к толстому стволу сосны. Его лицо было так близко, что она чувствовала его дыхание.

«Слушай внимательно, — его шёпот был едва слышен. — Завтра в городе произойдёт что-то плохое. Они дадут тебе знак. Они покажут, что всё серьёзно. Когда это случится — не иди к шерифу. Не доверяй никому. Приходи сюда, на это же место, на закате. Я найду тебя. Твой единственный шанс — узнать всё. Всю правду. И тогда... тогда, возможно, мы сможем что-то сделать».

«Что случится?» — выдохнула она.

Но он уже отстранился. «Иди домой. Не оглядывайся. И не верь тишине. Она обманчива».

И он растворился в темноте, будто его и не было. Стейси осталась одна, прислонившись к дереву, слушая, как бешено стучит её сердце и как где-то совсем рядом, в чаще, с треском ломается ветка.

Глава 3: Первая Отметина

Путь назад в город показался Стейси втрое длиннее. Каждый шорох, каждый скрип ветки заставлял её вздрагивать и

сжимать в кармане рукоять ножа. Фонарь выбросил белый, нервный луч, выхватывая из мрака уже не таинственные, а откровенно враждебные силуэты. Лес перестал быть местом её детских игр. Он стал территорией Чужака. Территорией той самой Тени, о которой говорил Джон.

Когда она наконец вышла на асфальтовую дорожку, её ноги подкосились. Она упала на колени, вдыхая знакомый запах асфальта и пыли, и едва не расплакалась от облегчения. Огни Гленвуда, такие обыденные и скучные час назад, теперь казались самым прекрасным зрелищем на свете.

Она дошла до дома, заперла дверь на все замки, задвинула засов и, прислонившись спиной к дереву, медленно сползла на пол в прихожей. Только тут, в полной безопасности четырёх стен, её накрыло. Дрожь стала такой сильной, что зубы выбивали дробь. Слезы, наконец, хлынули — горячие, горькие, от страха, от шока, от крушения всего, что она знала.

Она просидела так, может, час, может, больше. Пока дрожь не утихла, а слёзы не высохли. Тогда она поднялась, подошла к раковине, умылась ледяной водой и посмотрела на своё отражение в зеркале. Измученное, бледное лицо с огромными глазами. *«Ты похожа на неё»*, — эхом прозвучал голос Джона. Она всматривалась в свои черты, пытаясь найти в них следы той самой Элеонор Блейк, которая была не просто любящей матерью, а «хранителем» и «палачом».

Она не спала всю ночь. Сидела на кухне, прислушиваясь к каждому звуку, вглядываясь в темноту за окном. Мысли кру-

жились, как осенние листья в вихре: Джон, артефакт, Серая Лига, родители... смерть родителей. *«Со сломанными мозаиками»*. Она всегда принимала это как данность — ужасную, но случайную трагедию. Теперь же эта мысль разъедала душу, как кислота. Что, если это была месть? Или предупреждение? Предупреждение кому? Тёте Марте? Ей, маленькой тогда Стейси?

Рассвет застал её за тем же столом, с пустой кружкой в руках. Она чувствовала себя выжатой, опустошённой, но в этой пустоте зрело нечто новое — острый, холодный осколок решимости. Джон сказал, что сегодня произойдёт что-то плохое. Она будет ждать. Она должна увидеть это своими глазами.

Утро в Гленвуде было таким же, как всегда. Солнечным, неторопливым. Она вышла из дома, стараясь держаться как обычно. Пошла в библиотеку, где работала помощницей. Её коллега, миссис Клэпхем, болтала о своих котах, не замечая её отсутствующего взгляда. Стейси механически расставляла книги, но её взгляд постоянно скользил к окну, к людям на улице.

Обед она пропустила. Вышла на крыльцо библиотеки, курила (редкая для неё привычка, оставшаяся со времён подросткового бунта), наблюдая. И вот, около двух часов дня, её внимание привлекло оживление у почты. Собралась небольшая кучка людей. Голоса звучали тревожно.

Стейси, бросив окурок, медленно пошла туда. Сердце

предчувствовало беду, стуча тяжёлыми ударами.

У дверей почты стояла миссис Гловер, почтальон, и плакала, уткнувшись в плечо мяснику, мистеру Доусону. Рядом — шериф Карсон, внушительный мужчина с усами, что-то записывал в блокнот, его лицо было хмурым.

«...а я говорю, заходила вчера, как обычно, — всхлипывала миссис Гловер. — Весёлая такая, говорила о новой выкройке для платья... А сегодня утром — пусто! Кровать не спана, чашка чая на столе полная, остывшая... Лилит нигде нет!»

Лилит. Лилит Морган. Девушка лет девятнадцати, которая работала в цветочном магазине. Стейси знала её в лицо, иногда они обменивались улыбками. Весёлая, рыжеволосая, с веснушками.

Холодная волна прокатилась по спине Стейси. *«Завтра в городе произойдёт что-то плохое. Они дадут тебе знак»*.

«Успокойтесь, Мэри, — говорил шериф Карсон, кладя руку на плечо почтальонки. — Может, к парню какому уехала? Или к подруге? Молодёжь она, ветренная».

«Нет! — почти крикнула миссис Гловер. — Она бы сказала! Она никогда не пропадала! И... и в её комнате...» Она зашептала, но Стейси, стоявшая в нескольких шагах, уловила: «...на столе лежал лепесток. Чёрная роза. У нас во всём городе таких роз нет!»

Шериф Карсон нахмурился ещё сильнее, но в его глазах мелькнуло что-то — не тревога, а скорее... раздражение?

Нетерпение? «Чёрная роза, говорите? Ну, детские шалости, наверное. Ладно, оформлю заявление. Объявим в розыск. Не волнуйтесь, найдём».

Его тон был таким спокойным, таким обыденным, что это прозвучало фальшиво на фоне истерики матери. Стейси смотрела на него, и слова Джона всплыли в памяти: *«Не иди к шерифу. Не доверяй никому»*.

Она отступила от толпы, чувствуя, как её тошнит. Это был знак. Чистый, ясный и ужасный. Лилит не «уехала к парню». Её взяли. Те самые «они». И чёрная роза — это не шалость. Это визитная карточка. Послание. Но кому? Шерифу? Или... ей, Стейси?

Она медленно пошла по улице, не видя ничего перед собой. В голове стучало: *«Лилит. Лилит. Из-за меня. Из-за моего прошлого, о котором я даже не знала»*.

Чувство вины, острое и гнетущее, смешалось с яростью. Яростью на тех, кто это сделал. На свою семью, которая втянула её в этот кошмар. На саму себя — за то, что боится, что не знает, что делать.

Она дошла до своего дома, зашла внутрь и тут же, не снимая куртки, вытащила из рюкзака тот самый конверт. Смотрела на дрожащие буквы, на бурое пятно. *«Цена — твоя жизнь и жизни тех, кого ты ещё не знаешь»*.

Они не шутили. Они начали собирать цену.

Весь остаток дня она провела в лихорадочных размышлениях. Звонила тёте Марте, которая жила в соседнем горо-

де, наведывалась раз в месяц. Спросила о родителях, о деде. Тётя Марта, обычно болтливая, замкнулась, ответы её были уклончивыми: «Зачем тебе, детка? Прошрое прошло. Лучше не ворошить». И в её голосе Стейси уловила тот же самый страх, который грыз её сейчас.

К вечеру решимость кристаллизовалась. Страх никуда не делся, он сидел в ней холодным камнем, но поверх него выросла твёрдая оболочка долга. Лилит пропала. Из-за неё. Она не могла сидеть сложа руки. Она пойдёт на встречу. Узнает, что знает этот Джон. И тогда... тогда она решит, что делать.

Закат в этот день был без красок, серым и унылым. Стейси снова стояла у старого дуба. На сей раз в её рюкзаке, кроме фонаря, лежали не только нож, но и тяжёлый гаечный ключ из гаража отца, и баллончик со слезоточивым газом, купленный когда-то для самообороны и забытый в ящике.

Она ждала недолго. Из темноты, бесшумно, как призрак, вышел Джон. Он выглядел ещё более измождённым, чем вчера.

«Ты слышала», — сказал он не как вопрос, а как констатацию.

«Лилит Морган. Чёрная роза. Это они?»

Он кивнул. «Это их почерк. Предупреждение и... приглашение к игре. Они знают, что контактировал с тобой. Они хотят, чтобы ты вышла из тени. Чтобы ты начала действовать. Так проще следить, так проще направлять».

«Что им от меня нужно?» — выкрикнула она, и в голосе её прорвалась вся накопленная за день ярость.

Джон посмотрел на неё, и в его янтарных глазах впервые появилось что-то похожее на уважение. «Тебе нужно сесть, Стейси. И приготовиться слушать. Потому что то, что я расскажу тебе сейчас, не просто изменит твою жизнь. Это перевернёт всё, что ты знаешь о мире, о добре и зле, и о той тонкой грани, на которой балансирует твоя собственная душа. Начнём с самого начала. С того, как твой дед, Альберик Блейк, впервые увидел Сияние Гипериона и навлёк проклятие на весь свой род».

Он сделал паузу, давая словам осесть, и начал свой рассказ. А лес вокруг, казалось, затаил дыхание, слушая исповедь, которая тянулась из глубины десятилетий, чтобы настичь Стейси здесь и сейчас, на пороге её нового, страшного и неизбежного будущего.

Глава 4: Следы во Тьме

Три дня прошло с исчезновения Лилит. Три дня, в течение которых Гленвуд из сонного царства превращался в встревоженный улей. На окнах появились самодельные плакаты с её улыбающимся лицом, в кафе «У Молли» только и разговоров было, что о пропавшей девушке, а шериф Кар-

сон, хмурый и невыспавшийся, объявил о начале поисковых групп.

Стейси наблюдала за всем этим со стороны, чувствуя себя чудовищным самозванцем. Она знала то, чего не знали они. Она знала, что Лилит — не сбежавшая невеста и не жертва случайного маньяка-проезжего. Она была пешкой. Разменной монетой в игре, правила которой Стейси только начинала постигать. И каждый взгляд, брошенный на плакат, каждый вздох соседки — «Бедная девочка, какая невинная душа» — вонзался в её совесть отточенным лезвием.

Но она не сидела сложа руки. Решимость, рождённая в ту ночь у зелёного огня, крепла, обрстая плотью холодного, методичного плана. Первым делом — информация. Если её семья была частью чего-то большого, то следы должны были остаться. Здесь, в этом самом доме, где она выросла.

Она начала с кабинета отца. Комната, запертая после его смерти, которую тётя Марта велела «не тревожить, пусть всё остаётся как при нём». Замок поддался после пятой шпильки — навык, почерпнутый из детективного романа. Воздух внутри был спёртым, пахнувшим пылью, старой бумагой и каким-то едва уловимым запахом — сухих трав? Ладана?

Кабинет был не большим. Массивный дубовый стол, кресло с потертой кожей, стеллажи с книгами по юриспруденции (его официальная профессия) и... по совершенно иным темам. Стейси провела пальцем по корешкам: «Символика дохристианских культов Северной Европы», «Геомантия и

лей-линии», «Хроники Общества Дигби» в кожаном переплёте. Она открыла последнюю. На форзаце чётким, узнаваемым почерком отца была надпись: «Scientia est potentia. Для служебного пользования. А.Б.»

Она листала пожелтевшие страницы, испещрённые заметками на полях. Имена, даты, схемы, напоминающие больше магические пентакли, чем научные диаграммы. Отец не просто интересовался этим — он глубоко изучал. И скрывал.

В нижнем ящике стола, запертом на маленький ключик (она нашла его в шкатулке с материнскими украшениями), лежала папка. В ней — не юридические документы. Это были вырезки из газет, не только местных, но и из крупных городских изданий, датированные двадцатью-тридцатью годами назад. Заголовки кричали о странных происшествиях: «Таинственная смерть в закрытом музее: экспонаты не тронуты», «Исчезновение целой семьи в окрестностях Гленвуда: полиция в тупике», «Слухи о «светящихся огнях» в горах подтверждаются туристами». На полях — пометки тем же почерком: «След Лиги?», «Возможно, побочный эффект», «Зона влияния – радиус 5 миль».

И фотографии. Старые, чёрно-белые. На одной — группа людей в старомодной одежде у входа в какую-то пещеру. Стейси узнала своего деда, Альберика — высокого, сурового мужчину с пронзительным взглядом. Он стоял в центре, положив руку на странный предмет, похожий на большую, шероховатую гальку, установленную на треноге. Лица осталь-

ных были серьёзны, почти торжественны.

На другой фотографии, уже цветной, потёртой — её родители. Молодые, смеющиеся. Они стояли на той самой поляне в лесу. На заднем плане, едва различимо, виднелся круг из тех самых гладких камней. Мать смотрела не в объектив, а куда-то в сторону, и выражение её лица было не радостным, а... настороженным.

Стейси опустилась в отцовское кресло, чувствуя, как реальность снова даёт трещину. Её отец, скучный, добрый юрист, водивший её по воскресеньям на рыбалку, вёл эти записи. Её мать, учительница младших классов, которая вышивала крестиком и пела колыбельные, стояла в эпицентре этой тайны.

Она взяла одну из вырезок — про исчезновение семьи фермеров по фамилии Грейвз. Сообщалось, что они просто испарились, оставив на столе нетронутый ужин. На полях отец написал: «Попытка неподготовленного контакта с Аспектом? Слишком близко к Эпицентру. Лига должна ужесточить карантин».

Эпицентр. Аспект. Карантин. Слова звучали как из доклада по ядерной физике, а не по оккультизму.

Стейси поняла, что ей нужен ключ к этому шифру. Отцовские записи были написаны для посвящённых. Ей же был нужен переводчик. И он был только один.

Вечером она снова пошла в лес. На сей раз без дрожи, с холодным комком целеустремлённости в груди. Она несла с

собой фотографии и несколько выбранных страниц из дневника.

Джон ждал её у поваленной сосны, в полумиле от Камней Молчания. Он выглядел ещё более осторожным, постоянно оглядывался.

«Ты рискнула принести это сюда», — сказал он, увидев папку в её руках.

«Рискую уже по умолчанию. Объясни». Она протянула ему фотографию с дедом.

Джон вздохнул, как будто увидел призрак. «Альберик «Одноглазый» Блейк. Основатель фракции «Пробудителей» в Серой Лиге. Он считал, что Сила Гипериона — это не реликвия для заточки, а инструмент. Что человечество готово к эволюционному скачку, и Лига должна не прятать артефакт, а научиться им управлять и... даровать избранным».

«Даровать? Что? Суперсилы?» — в голосе Стейси прозвучала скептическая нотка, несмотря на всё пережитое.

«Не в комиксах, Стейси. Он говорил об усилении воли. О материализации мысли. О воздействии на саму ткань реальности. Но Гиперион... он не нейтрален. Он как линза. Он усиливает всё: и светлые намерения, и тёмные страхи, и скрытое безумие. Первые эксперименты Альберика привели не к просветлению, а к вспышкам коллективного психоза, к странным мутациям в природе, к... несчастным случаям. Как с семьёй Грейвз».

«Они умерли из-за этого... эксперимента?»

«Они оказались в зоне действия «эха» от активации Артефакта. Их сознание не выдержало контакта с искажённым полем. Они не умерли. Они... растворились. В своём собственном страхе, усиленном в тысячу раз». Джон говорил отстранённо, как учёный о неудачном опыте, но в его глазах стояла старая боль. «После этого Лига раскололась окончательно. «Хранители», во главе с моим отцом, попытались остановить Альберика. Была борьба. Подземная, тихая, но жестокая. Твой дед проиграл. Артефакт был снова запечатан, а «Пробудители» ушли в тень, поклявшись вернуть своё «наследство». Твои родители... они были из фракции «Хранителей». Они хотели забыть. Но забыть не получается. Кровь зовёт. И «Пробудители» никогда не забывали о потомках Альберика».

«То есть я... я такая бомба замедленного действия? Из-за моей крови?»

«Ты — ключ, Стейси. Прямой потомок по главной линии. Генетика в этих делах — не пустой звук. Твоё присутствие, твоя воля могут выступать катализатором. Или стабилизатором. «Пробудители» верят, что с тобой они смогут не просто активировать Гиперион, а контролировать его. Или... им нужно устранить тебя, как возможную угрозу их контролю. Лилит — это способ выманить тебя, спровоцировать на действие, заставить проявиться».

Они молчали несколько минут. В лесу по-прежнему бы-

ло тихо, но теперь эта тишина казалась Стейси наполненной смыслом — зловещим, давящим.

«Что мне делать?» — наконец спросила она, и в её голосе впервые прозвучала не ярость и не страх, а усталость.

«Учиться, — твёрдо сказал Джон. — Быстро. Узнавать свою историю, узнавать природу силы, с которой имеешь дело. И искать слабость «Пробудителей». Они не всемогущи. У них есть своя иерархия, свои разногласия. Шериф Карсон, например...»

«Шериф?» — Стейси вскинула голову.

«Он не главарь. Он привратник. Надсмотрщик. Его задача — контролировать город, следить за тобой и докладывать наверх. Он из мелких сошек, но опасных в своей ограниченности. Им движет не великая идея, а власть и страх перед теми, кто стоит над ним».

В голове Стейси сложился кусочек пазла. Спокойная реакция шерифа на исчезновение Лилит, его раздражение... Он знал. Он точно знал, что это не простое исчезновение.

«И что? Я должна его... избегать?»

«Ты должна его использовать, — неожиданно сказал Джон. — Он наблюдатель. Значит, через него можно передать дезинформацию. Заставить их двигаться в нужном нам направлении. Но для этого тебе нужно стать актрисой, Стейси. Играть роль напуганной, ничего не понимающей девушки, которая метается и ищет помощи у властей».

План начинал обретать чёткие, пусть и крайне опасные,

очертания. Она должна была жить на два фронта: внешне — обезумевшая от страха гражданка, внутренне — ученица, впитывающая знания о древней силе и готовящая контрудар.

«А Лилит?» — тихо спросила она. — «Мы можем её найти? Спасти?»

Лицо Джона стало каменным. «Шансы минимальны. Если они её взяли как приманку, то держат где-то близко, под наблюдением. Если как... ресурс для ритуала, то времени у неё нет. Наша главная задача — сорвать их планы в целом. Это даст шанс всем потенциальным жертвам, включая тебя. Это холодная логика, Стейси. Ты должна к ней привыкнуть».

Холодная логика. Она ненавидела её. Но кивнула. Это был единственный путь вперёд. Сквозь тень, унаследованную по крови, к какому-то своему собственному свету, о котором она ещё не имела понятия.

Глава 5: Исповедь у Зелёного Пламени

Следующая неделя стала для Стейси жизнью в режиме перманентного спектакля. Она «случайно» пересекалась с шерифом Карсоном у почты, в кафе, на улице. Её глаза были широко раскрыты от «искренного» страха, руки дрожали, когда она спрашивала о новостях по делу Лилит. Она говорила о своём беспокойстве, о плохих снах, о чувстве, что за ней следят. Она сыпала такими деталями, которые должны были выглядеть как паранойя обывателя: «Мне кажется, кто-то ходит ночью вокруг дома», «В библиотеке я нашла стран-

ную закладку в книге, которой там раньше не было».

Шериф Карсон сначала отмахивался, потом слушал всё более внимательно, его маленькие, глубоко посаженные глаза изучали её с неприкрытым интересом. Он записывал её «показания» в блокнот, кивал, обещал «прислать патруль». Стейси видела в его взгляде не заботу защитника правопорядка, а оценку охотника: «Как реагирует? Насколько напугана? Готова ли к срыву?»

А по ночам, в тайне даже от теней за окном, она погружалась в мир, который был страшнее любого кошмара. Джон стал её проводником не только по лесу, но и по лабиринтам забытого знания.

Они встречались на заброшенной лесопилке, на чердаке старой часовни на окраине города, в сухом русле ручья под скальным навесом — каждый раз в новом месте. Джон был уверен, что за ними следят, и паранойя была их главным союзником.

Он приносил книги. Не отцовские, а другие — ещё более древние, написанные от руки на ломкой, коричневой от времени бумаге, на языках, которых она не знала. Латынь, древнегреческий, а позже и более странные алфавиты, похожие на сплетения корней или трещин на льду.

««Серая Лига» не всегда была серой, — объяснял Джон, разворачивая перед ней пергамент с картой, на которой Гленвуд был помечен не точкой, а сложной многослойной мандалой. — Изначально это было братство учёных-неопла-

тонииков, алхимиков, изучавших «Lapis Exilii» — Камень Изгнания, как они называли Гиперион. Они верили, что это осколок иного мира, иной физики, занесённый на землю в незапамятные времена».

Он рассказывал о теориях, от которых у Стейси кружилась голова. О том, что Артефакт не просто излучает силу, а искажает вокруг себя само пространство-время, создавая «зоны напряжения» — места, где стирается грань между мыслью и реальностью, где сны могут просачиваться в яву, а давно забытые страхи — обретать плоть. Лес вокруг Гленвуда, по его словам, был одной большой такой зоной, стабилизированной и «запечатанной» столетиями ритуалов Хранителей.

«Пробудители» же, под руководством её деда, хотели не стабилизировать, а натянуть эту ткань, как струну, чтобы извлечь из неё нужный им аккорд реальности. Их эксперименты были попытками сыграть на этой струне. И каждый раз это заканчивалось какофонией страданий.

«Твои сны, Стейси, — сказал как-то Джон, глядя на неё пристально. — Ты говорила, они стали ярче, навязчивее. Опиши».

Она неохотно рассказала. О коридорах из деревьев, которые смыкались впереди. О безликих фигурах в чёрном, которые вели её куда-то. О голосе, который звал её «наследницей» и «искуплением». И о странном символе — трёх пересекающихся кольцах, одно из которых было разорвано, —

который появлялся на стенах, на небе, на её собственных ладонях.

Джон помрачнел. «Это не просто сны. Это резонанс. Твоя психика, твоя наследственность — ты как камертон, настроенный на частоту Гипериона. Они, «Пробудители», вероятно, пытаются «позвонить» в этот камертон, установить контакт. А разорванное кольцо... это их символ. Символ разрыва оков, наложенных Хранителями».

Он научил её первым, простейшим техникам «ментального щита» — не магии, а скорее, крайней формы медитативной концентрации. Упражнениям по визуализации защитной оболочки вокруг своего сознания, по отгораживанию от внешних «наведённых» мыслей и эмоций. Стейси обнаружила, что у неё это получается на удивление легко, будто некий навык дремал в ней и ждал своего часа.

«Кровь, — коротко прокомментировал Джон. — Инстинкт самосохранения на новом уровне».

Но одной теорией и медитацией было не обойтись. Нужны были факты. Нужно было понять, что именно планируют «Пробудители» сейчас. И для этого нужно было рискнуть.

«Есть место, — сказал Джон однажды вечером, когда они сидели под навесом скалы, при свете керосиновой лампы. — Старая обсерватория на горе Сторож. Её построил ещё твой дед под видом метеостанции. На самом деле, это была одна из его лабораторий, точка для наблюдения за астрономическими циклами, которые, как он считал, влияют на ак-

тивность Гипериона. После раскола Хранители её забросили, но не уничтожили. Есть шанс, что «Пробудители» снова ею пользуются. Или что там остались записи, схемы».

«Ты предлагаешь туда пробраться?» — Стейси почувствовала, как холодок пробежал по спине. Гора Сторож была не просто высокой — она имела дурную славу. Туристы там терялись, случались обвалы. Да и подъём занимал добрую половину дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.